Слово редактора

Виктор Вахштайн

Возвращение утопии

Второе десятилетие XXI века в отечественной социальной науке неожиданно ознаменовалось новым всплеском интереса к феномену Утопического. Книги, ранее не переводившиеся или остававшиеся на периферии исследовательского внимания, сегодня открываются заново и провоцируют теоретические дискуссии. Переиздания несвоевременно забытой классики соединяются в этом коллаже с недавними прозрениями экономистов, урбанистов, филологов, социологов. Через футурологическое визионерство (Ж. Аттали «Краткая история будущего», 2014), литературную критику (Х. Гюнтер «По обе стороны утопии», 2012), утопические романы классиков социологии (Г. Тард «Отрывки из истории будущего», 2014), урбанистические манифесты (С. Маккуайр «Медийный город», 2014), антиутопическую рефлексию (О. Хаксли «Возвращение в новый дивный мир», 2014) тот способ воображения, мышления и письма, который мы — возможно, поверхностно и небрежно — называем утопическим, возвращается в социологическую дисциплину. И, хотя масштабы этого неожиданного возвращения еще не достигают масштабов повального увлечения темами утопии и антиутопии, наблюдавшегося в российской общественно-политической жизни конца 1980-х — начала 1990-х годов, мы уже вправе говорить о втором (за последние 25 лет) пришествии утопического воображения.

Впрочем, само сочетание «Социология и Утопия» парадоксально. Утверждая один тип связи, оно незаметно подменяет его другим. Сказать «Утопическое воображение имеет социологическое значение» (как делает это, например, Герберт Уэллс в предисло-

---

Вахштайн Виктор Семенович, заведующий кафедрой теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС, профессор Российско-Британского университета МВШСЭН («Шанинка»), кандидат социологических наук. E-mail: avigdor2@yahoo.com
Victor Vakhshtayn — Chair in Sociological Theory and Epistemology (RANEPA), Professor of Sociology (Russian-British Postgraduate University Moscow School of Social and Economic Sciences).

вии к роману Габриэля Тарда) — значит указать на некоторые утопические элементы социального порядка; это указание на связь «утопическое/социальное». И действительно, искушение рассмотреть как проявления утопизма проекты политической модернизации, градостроительную практику, медиатизацию социальных взаимодействий, механизмы контроля и координации et cetera исключительно велико. Так появляется задача обнаружения «утопического в социальном». Но за подобной постановкой вопроса уже стоит апелляция к утопическому воображению в самой практике социологического мышления. Связь «утопическое/социальное» обнаруживает свои истоки в связи «утопическое/социологическое». И тогда социологическая теория — куда более утопическая форма жизни, чем политические проекты модернизации и урбанистические манифесты.

Можем ли мы различить «утопическое» в своем предмете, если мы не способны различить его в своем собственном языке? Способны ли мы изучить утопическое измерение социальной жизни, не отрефлексировав предварительно «утопическое» происхождение самой постановки этой проблемы? Или наоборот? Чтобы суметь увидеть этот мир как насквозь пронизанный утопией, видимо, нам нужно сначала провести жесткую границу между утопическим мышлением и собственно социологическим воображением?

Небольшая иллюстрация. В книге «Возвращение в новый дивный мир», написанной через четверть века после выхода в свет известного антиутопического романа, Олдос Хаксли пытается доказать, что его антиутопия дает более точный прогноз развития человечества, нежели «1984» Дж. Оруэлла. В подтверждение своих слов он ссылается на «научные исследования человеческой природы», которые убедительно показывают: как минимум в двух отношениях прав Хаксли, а не Оруэлл. Во-первых, в отношении управления человеческим поведением. У Оруэлла власть держится на систематическом терроре. Однако, замечает Хаксли, «Результаты недавних исследований поведения животных доказывают, что для более эффективного контроля нужно не наказывать за нежелательное поведение, а награждать за желательное... Общество, описанное в „1984“ контролируется полностью при помощи наказания и страха наказания. А в мире, который создал я в своей истории, наказывают редко и относительно мягко» (с. 11).

Во-вторых, Хаксли полагает, что он лучше Оруэлла отразил роль сексуальных отношений в драматургии антиутопического общества. И вновь ссылается на научные исследования человеческой природы. Государство Оруэлла подавляет сексуальную энергию своих граждан, чтобы ее можно было в любой момент обратить

в деструктивную силу, направленную на врагов — внешних и внутренних. Государство Хаксли устранило институт семьи и легализовало такую степень сексуальной свободы, что «жители Дивного Нового Мира почти гарантированно избавлены от деструктивного или креативного сексуального напряжения» (с. 35).

Пикантность ситуации состоит в том, что для доказательства «научной истинности» своего романа Хаксли прибегает к двум научным теориям, которые а) аксиоматически исключают друг друга и б) основываются на эксплицитно утопических моделях человеческой природы. Первый пример с управлением поведением Хаксли берет из исследований Б. Ф. Скиннера, создателя оперантного бихевиоризма. В теории Скиннера человек изначально является tabula rasa, и лишь общество — посредством организованных стимулов и подкреплений — может сформировать у него некоторый комплекс воспроизводимых поведенческих реакций. Свои философско-антропологические допущения Скиннер изложил в утопическом романе «Уолден II», на который Хаксли не ссылается (предпочитая оставить за скобками утопическую подоплеку этой «научной теории»).

Второй пример с сексуальным напряжением недвусмысленно отсылает к фрейдовской философской антропологии. Фрейд в отличие от Скиннера не писал утопических романов. Но его философско-антропологическая модель (в которой человек изначально является носителем энергии, подавляемой обществом и направляемой в безопасное русло) в той же степени, что и скиннеровская, строится на мысленном эксперименте: «допустим, что человек от природы является X, а общество — Y». В таких утопических антропологических моделях природа человека всегда является независимой переменной, а природа социального — зависимой.

Любопытно, что приведенный пример из «Возвращения в дивный новый мир», кажется, подталкивает нас к выбору второй из озвученных выше гипотез: чтобы увидеть и описать на некотором языке — научном или литературном — утопическую (антиутопическую) природу социального мира, нужно вынести за скобки утопическое происхождение самого этого языка. Чтобы социолог мог увидеть социальное как утопическое, утопизм его собственного теоретического воображения должен оставаться невидим.

Тематическое пространство статей, собранных в этом номере, задано координатами «Утопическое — Социальное» и «Утопическое — Социологическое». В работе Марии Ерофеевой и Натальи Лебедевой анализируется любопытная ре-утопизация социологической теории, произошедшая в последние несколько десятилетий в результате бурного развития социологии техники и появления акторно-сетевой теории.

Елена Чернова рассматривает через призму концептуализаций, предложенных К. Мангеймом, политику принятия конкретных управленческих решений; ее анализ касается ключевых вопросов бытования утопизма в практике территориального планирования и развития. Статья Светланы Бардиной возвращает нас в сферу метатеории и касается проблемы критической позиции социолога: как вообще возможна социологическая критика? Что является основанием и инструментом критической установки социолога? Работая в жанре «критики второго порядка», автор прибегает к ресурсам витгенштейнианской традиции в философии и социологии.

Статья Дарьи Димке — детальное антропологическое исследование педагогических технологий в советском утопическом проекте. Отталкиваясь от концептуализации «героических сообществ» А. Макинтайра, автор дает любопытную интерпретацию темпоральности «воплощенных утопий»: героика утопического прошлого создает единственную возможность разворачивания утопического проекта в будущее через реактуализацию бессмертного подвига предшественников в подвигах современников.

Работа Александры Новоженовой продолжает историческую линию исследования, но от утопических сообществ возвращает нас к утопическому мышлению в науке. Автор реконструирует возникновение «вульгарного социологизма» в советской социологии искусства 1920–1930-х годов. Екатерина Шмелева, напротив, обращается к современной городской повседневности, где через призму теории городского воображаемого обнаруживает феномен «приватизации утопического», возникающий благодаря развитию новых медиа. Наконец, Александра Симонова в статье, посвященной осмыслению утопического нарратива о космосе в Советском Союзе, показывает, как по мере устранения утопического элемента в репрезентациях космического проекта затухает и интерес к освоению космоса.

Отдельный интерес для сопоставления различных когнитивных стилей мышления и воображения в науке представляет блок переводов. В этом номере мы публикуем стенограмму выступления Гарольда Гарфинкеля, посвященного происхождению термина «этнометодология», и статью Эда Коэна (с предисловием Дениса Сивкова) о философии иммунитета и аутоиммунных заболеваний.

При всем многообразии представленных в этом специальном выпуске тем составителей легко упрекнуть в недостаточной политической рефлексивности. Почему разговор об утопии набирает обороты именно сейчас? Какие изменения в политическом климате, ожиданиях, оценках и прогнозах, делают тему утопического воображения вновь актуальной? Видимо, авторы и составители не понимают подлинной политической природы утопизма, причин его очередного взлета...

Честным ответом на этот упрек будет остенсивное указание на любую твердую, неупругую конструкцию в зоне непосредственной досягаемости. Нас действительно не интересует подлинная социальная подоплека или истинные политические предпосылки утопического воображения. Куда важнее сегодня освободить разговор об утопическом воображении от недуга интеллектуального бесплодия политической ангажированности. Сделать это можно, только переведя его на язык социологической теории и эпистемологической рефлексии.

Насколько нам это удалось — судить читателям.